

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42
ББК ШП41.12-003

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

В. В. Колесов
Санкт-Петербург, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ РУССКОГО СОЗНАНИЯ: КОНЦЕПТЫ *ВЛАСТЬ*, *ЗАКОН* И *НАРОД*

АННОТАЦИЯ. В статье излагаются результаты исследования концептов «Власть», «Закон», «Народ», проведенного на материале классических русских текстов (художественных и философских) разного времени создания. Предлагается использовать концептуальный анализ наряду с другими типами анализа текста. Концепт — общая совокупность трех содержательных форм в слове (образ, символ и понятие), совместно определяемых «первосмыслом» **концептума**, т. е. идеальной сущностью явленного концепта. С целью выявления «причинности» действий использован метод конструирования семантических констант. С позиции синергичных связей рассмотрены три возможные стратегии общественного поведения и сделаны содержательные выводы. Концепты «Власть» и «Народ», как обозначения реальных сил, синонимов не имеют, они абсолютны. «Закон» же, как силу идеальную, в разные времена предпочитали заменять концептами более привлекательными, но столь же идеальными. Иларион в XI веке (иудейский) Закон заменял (христианской) Благодатью, после этого в угоду политическим обстоятельствам Закон постоянно подменялся концептами «Правда», «Справедливость», «Совесть» и т. д. Всякий идеал недостижим, и в этом отличии концепта «Закон» от двух других концептов триады содержится возможность легкой подмены действительного желаемым и причина слишком частых попыток это сделать.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепты; деволюция; революция; эволюция; концептосфера; концептуальное поле; русское сознание; синергичные связи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Колесов Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11; e-mail: prof.kolesov@gmail.com.

Предметом исследования являются тексты известных деятелей русской культуры, а его целью — выявление подтекстового содержания их высказываний на затронутую тему; тем самым определяется задача: представить цельный объект изложения — именно то, как понимали предмет в описываемую эпоху. Предмет как несобранный материал объективируется по мере исследования, представая в авторской системе. Обширный корпус текстов, с указанием их источников и авторов, представлен в недавно вышедшем «Словаре русской ментальности» (СПб., 2014), а метод исследования основан на разработанной автором русской версии когнитивистики — концептологии; метод вытекает из гносеологической позиции философского реализма, в этом отношении противопоставленного номинализму и концептуализму. Описанные концепты сохраняют свою модальность во все времена жизни гражданского общества, отчасти меняя свои имена, и одновременно происходит внутреннее движение концептов, которые усиливают или уменьшают роль своих содержательных форм.

Синергичные основания

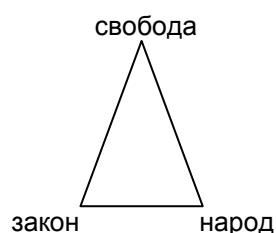
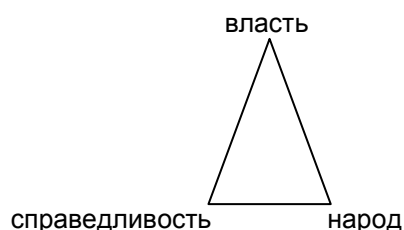
Р. Г. Баранцев описал некоторые системные триады как простейшие структурные ячейки синтеза соответствующих концептов. Синтез — важнейшая черта русского сознания, руководствующегося синтетическим по характеру языком. «В социальном плане можно вспомнить древнюю триаду „закон — народ — власть“, в которой противоречия

между законом и народом разрешаются через власть, между народом и властью — через закон, между властью и законом — через народ» [Баранцев 2003: 39]. Р. Г. Баранцев обобщил основные свойства синергии как целостного знания в условиях совместного действия всех компонентов целого, и прежде всего совместного действия рациональных, интуитивных и эмоциональных качеств человеческой личности.

Общие принципы синергии удивительным образом накладываются на основные свойства русской ментальности: синергия не разделяет, а объединяет, в познании идет от целого к частям (от рода к видам), анализ заменяет синтезом и, как целостное, создает смысл целого; триады представляют собой устойчивые парадигмы, включающие в себя центр как нулевую точку отсчета; именно центр обеспечивает целостность триады, одновременно не осознаваясь как заглубленный в подсознание компонент триады. По этой причине русская ментальность сторонится середины-середняка, как «пустого места», во всех случаях предпочитая крайности. Так, в триаде «власть — закон — народ» закон представляет собой нуль, которым, согласно нашим представлениям, можно пренебречь. Синергия, таким образом, апофатически (утверждением в отрицании) представляет нелинейность, незавершенность, неоднозначность, случайность в проявлении смыслов, а также отдаёт предпочтение образности перед логическим выстраиванием суждений. «Понятие — это представление, получившее наименование»

[Колесов 2012: 16]. Таковы особенности языка синтетического строя, на котором и основана русская ментальность.

Почти каждый концепт в составе триады мы можем заменить его противоположностью или соответствием, например:

Каждая триада сохраняет возможность своего развития. *Власть народа* ограничивается *справедливостью*, *справедливость власти* удостоверяется *народом*, а *справедливость народа* подтверждается *властью*. Или: *свобода народа* в ее пределах устанавливается *законом*, *законность народа* ограничивается *свободой*, а *законность свободы* фиксируется *народом* и т. д. Замены концепта *народ* невозможны, любая подстановка будет всего лишь представлением части категории «народ» на месте родового «народ», а синекдоха не дает усиления позиции, она ее варьирует. *Человек, элита, партия* и т. п. всегда сохраняют родовую характеристику концепта *народ*, и это указывает на то, что этот концепт составляет *реальный корень триады*, ее *основание*. Это единственная «вещная» часть категории логического рода, которая и создает вариации всех прочих идеальных компонентов-видов — и идеальную *власть*, и словесный *закон*. Еще более выразительны синергийные тождества, состоящие из трех концептов: «Государство», «Общество» и «Народ». В этом составе «перегрев» системы достигает максимальных значений.

Возможные подмены на словесном уровне: средневековая триада *власть* — *церковь* — *народ* была персонифицирована как *дворянство* — *священники* — *народ*, а в Новое время как *власть* — *закон Божий* — *народ*; убрать определение к термину *закон* — и получится современная триада со всеми ее последствиями. «Побледнение»

одного и усиление другого концепта осуществляется в идеале символа на концептуальном уровне. В революциях ведут за собой идеи, в бунтах — «вещи», но в обоих случаях через *посредство* слова. Возникает проблема «третьего сословия» — и бушует буржуазная революция, смысл которой в том, что побеждает не весь народ, а только та его прослойка, представители которой овладевают (власть) *статусом* (идея «священства»), т. е. входят в зону исходного единства «дворянство-церковники» (персонально они едины, когда противопоставлены народу), замещая его. А народ *нарастает* снова (нарождается). Еще хуже обстоит дело, когда два компонента сливаются в единое, например, *власть* и *закон*, — третий, *народ*, действительно лишний, и тогда уж он свободен в своих движениях. Исторические примеры известны.

Синергийные структуры в системном становлении внутренне всегда противоречивы именно благодаря наличию «третьего». Выбор одного из трех основан на минимальном росте энтропии, т. е. наименьшей трате энергии, поэтому, например, в триаде «Власть», «Закон», «Народ» в каждый данный момент развития предпочтение будет отдано тому, какая пара наименьшим образом разрушает систему, приводя ее к катастрофе (бифуркации).

Подобные подстановки возможны и во всех остальных триадах, и в каждой из них в качестве коренного выступает «нижний правый» — вещный концепт Народ. Между прочим, только он в полной мере отражает логическую увязку рода и вида «по-русски»: «вид — он же и род», человек и любой коллектив как *виды* народа существуют наряду и совместно с самим народом в его целом как *родом*.

По мнению Р. Г. Баранцева, верхние компоненты триад познаются интуитивно, левые — эмоционально, правые — рационально. Поскольку русская ментальность доверяет интуиции больше, чем рациональности, можно предложить другую точку отсчета, от интуиции. Основываясь на суждениях петербургских лейбнианцев, можно понимать и так: верхние компоненты познаются мистической интуицией, левые — интеллектуальной, а правые — чувственной интуицией.

Наличие триад позволяет снимать противоречия, возникающие между попарными противоположностями, в этом случае «третий лишний» исполняет роль «третейского судьи». Так (пример Р. Г. Баранцева), противоречие между законом и народом снимается властью (это *деволюция* — «передача»),

между народом и властью — законом (*справедливый суд — эволюция*), между властью и законом действует уже народ (происходит *революция*). Разбалансированность социального устройства возникает там и тогда, где и когда этот ментальный закон не действует, нарушенный чьей-то злой волей.

Итак, синергичная триада концептов, представленная на основе семантического треугольника, фиксирует взаимные связи между *реальными* и *идеальными* их составами, увязывая *Власть*, *Народ* и *Закон* в их взаимозависимом единстве. Усиление или ослабление роли каждого концепта определяется общей суммой семантической *энергии*, представленной в триаде.

Теоретические установки

Посмотрим, как отражается указанная ментальная связь в высказываниях русских мыслителей Серебряного века и чем эта связь отличается от современного ее состояния — в суждениях современных публицистов. Динамика переоформления одних и тех же концептов также относится к числу коренных свойств сознания.

К числу многочисленных типов анализа текстов мы добавляем еще один, который условно можно назвать *концептуальным* анализом текста. За словесным рядом как целым в смысловом значении можно различить контуры глубинного ментального уровня и описать его *парадигматически*, то есть *системно*.

Концептом признается не просто понятие, как обычно поступают номиналисты, а общая совокупность трех содержательных форм в слове — образ, символ и понятие, совместно определяемых «первосмыслом» (слово Потебни) *концептума*, т. е. идеальной сущностью явленного концепта. Такова в целом методологическая позиция реалиста [Колесов 2012]. Тем самым к трем содержательным формам добавляется четвертая, а именно *концептум*, который как смысловое зерно первосмысла прорастает в остальных формах (*лат. conceptum* 'зерно', связанное с понятием — *conceptus* 'ом, концептом').

Концепт шире понятия и сам по себе является частью другого образования, которое, вслед за Аристотелем, впервые указавшим четыре действующие причины, мы именуем *причинностью*. Этот термин возник в начале XIX в. на основе признака *причинный* (первая фиксация 1704 г.) и вначале выступал полным синонимом слову *причина* (у Чаадаева, Бакунина, Юркевича и др.) и только на рубеже XIX—XX вв. получил общий смысл отвлеченно-формальной *идеи*

причины во всей совокупности условий, целей, поводов, следствий и собственно реальных причин, связанных единством действия и цельностью понимания как целесообразной связи «всего во всем» (В. Соловьев, С. Трубецкой, Н. Бердяев и т. д.). Идея единства мира активно разрабатывалась философией Серебряного века, и термин *причинность* стал одним из инструментов такой работы. «Сознание причинности есть коренное, а не производное» (С. Трубецкой).

Концепт «Причинность» строится на основании следующих постулатов:

Основание: «Всё в мире имеет своё основание» (Лейбниц); «В-себе-бытие сущности... есть основание» (Гегель).

Условие: «В некотором смысле причины и есть условия» (Франкл). Действительно, в Средние века именно условия и воспринимались как причины, которые понимались как моральные (вина) (Хёйзинга).

Причина: «Причины вещей соответствуют основанию — истине» (Лейбниц); «Действующая причина определяет всю каузальность» (Хайдеггер).

Цель: «Конечные причины — смыслы и цели» (Франкл)

Прочие понятия входят в состав этих четырех членов «Причинности»: повод — в условие, следствие — в цель и т. д.

Определения русских философов проигрывают в сравнении со строго логическими и лаконичными утверждениями западных ученых. Происходит это из-за склонности русского сознания к символическим замещениям и метафорическим уподоблениям. Русское мышление образно-символическое. Вот несколько примеров, указывающих на естественные смещения границ между компонентами «Причинности»:

Основание: «Если нет причины, то нет и основания (Юркевич); «Вопрос об основании есть вопрос „почему?“» (Франк); «Убеждение, что всякое явление несет свою необходимую причину, сводится к предположению, что всякое явление должно иметь свое основание» (Е. Трубецкой) — смешение в паре *основание/причина*.

Условие: «Общие логические формы, будучи сами по себе только пустыми возможностями, при существовании соответствующей им действительности представляют ее необходимое условие или закон» (В. Соловьев) — смешение в паре *условие/закон*; «Требуется условие, которое сообщает... значение причинности» (Юркевич) — смешение в паре *условие/причинность*.

Причина: «Закон есть причина, а не действие» (Чаадаев) — смешение в паре *причина/закон*; «Первично действие, а не его

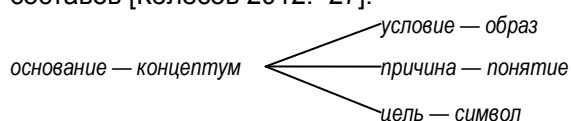
причина» (В. Пропп) — смешение в паре *причина/действие*.

Цель: «Цель, к которой стремится данное бытие, уже есть, уже наличествует как норма» (Флоренский) — смешение в паре *цель/норма*; «Знания происходят по причине, а понимание образуется целью» (Розанов) — смешение в паре *причина/цель*. Ср. современный постулат: «Причины существуют, цели осуществляются» (Н. Арутюнова) с тем же уподоблением одного другому.

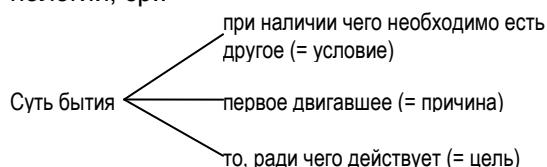
Выразительная сила такого рода определений состоит в том, что символическим сопряжением терминов достигается взаимная связь всех членов каузальной категории «Причинность». Тем самым достигается требуемое понимание «всего во всём». «Необработанность» русской идеи «Причинности» не в ее незавершенности, но в ее идеальности, в соответствии с представлениями русского реализма. Причинность противоположна номиналистической Причине. А «история зависит от различных уровней *привычного понимания причинности*» (Поль Рикёр).

Соответствие членов «Причинности» содержательным формам слова соединяет языковые средства с ментальными составляющими: *условие* = *образ*, *причина* = *понятие*, *цель* = *символ*, тогда как *основание* есть *концептум*, зерно всякого первосмысла. Единство логического и лингвистического — основное требование когнитивной лингвистики. Именно такое единство ментального и языкового определяет принципы классификации наличных речевых формул, извлеченных из текстов (см. ниже).

Отсюда формула концепта «Причинность», представленная в *семантической константе* как постоянном отношении ее составов [Колесов 2012: 27]:

Отличие представленной формулы от известной аристотелевской только в терминологии, ср.:

Итак, концептуальный анализ текста позволяет описать совокупность содержательных форм концепта в их синергичном единстве, представив их родово как *категорию «Причинность»*.

Принципы построения понятия

Опираясь на сказанное, попробуем описать совокупность текстов, попытаюсь, для примера, разобраться в намеченной Р. Г. Баранцевым синергичной триаде *Власть — Народ — Закон*. При этом не станем пренебрегать требованием единства стиля и ограничимся текстами «поэтического» характера, извлеченными из работ русских авторов — художественной и философской литературы. Единство стиля дополняется общностью ментальности, выраженной в исследованных текстах.

Воспользуемся дискурсивным характером нашего мышления и высветим смысл имени с двух сторон: со стороны эпитета-определения перед именем (устойчивый *де-сигнат*) и со стороны предиката после имени (переменный *денотат*). Обе позиции предстают в предикативном усилии мысли и потому субъективны, но отбор сравнений, список которых всегда конечен, уточняется объективно общим смыслом конкретного высказывания и направлен значением основного имени — его *валентностью*. Таким образом, путей выявления значений слова, необходимых для установления концептуальной составляющей, у нас всего два. Первый — конструирование понятия на основе сочетания имени с определением-прилагательным, представляющим конкретное содержание образного понятия (*железный сон* — Тютчев). Второй — посредством логического суждения, т. е. подведения значения слова к общему роду, также проявляющемуся в тексте на основе интуитивного приближения к концепту (*любовь есть сон* — Тютчев) — так определяется *объем* понятия.

Атрибутивные сочетания условно подразделяются на четыре типа с выделением признаков типичного, глубинного, интенсивного и длительного. Интенсивные находятся на крайнем полюсе системы, судя по структуре прилагательных, среди которых много конфиксальных типа *беспристрастная*, *бесценная*, — все они позднего сложения и связаны с *образным* представлением концепта в постоянно возникающих требованиях момента. Коренные признаки качества — типичные признаки — от прочих отличаются тем, что способны образовывать именные синонимы, ср. *божия правда*, *истинная правда*, *светлая правда* — *правда Бога*, *правда истины*, *правда света* и пр. Все остальные определения подобной замены лишены или при этом изменяется смысл целого сочетания: *правда огромности*, *правда ужаса*, *правда всечеловечества* и пр. Типичные от глубинных отличаются тем, что типичный признак исходит из самой пред-

метности (*правда истинна*), тогда как глубинный привходит извне (*правда огромна*), хотя оба признака роднит их постоянство при определяемом слове.

В конечном счете, перебирая отмеченные в употреблении эпитеты, мы очерчиваем пределы *десигната* — признак различения, выявляющий *содержание* концепта и явленные в содержании понятия («Мы познаем только признаки», — А. А. Потебня). Причем в роли понятия (*образного* понятия) выступает все сочетание в целом, поскольку *истинная правда* отличается от *полной правды*. Образное понятие здесь раскрывает символ *правда*, уточняя каждый раз оттенок и грань его бесконечного проявления.

Таким образом, в сети обнаруженных признаков мы находим следы проявлений *образа*, *понятия* и *символа*, которые в совместном их действии и воссоздают искомый *концепт* в его исчерпывающих конститутивных признаках.

Второй путь конструирования понятия, необходимого для понимания символа, осуществляется в логическом суждении, т. е. в подведении символа к возможному роду путем сопоставления с различными сущностями; в результате «понятие» актуализируется в конкретных текстах на основе интуитивного приближения к ядру концепта — его *первосмыслу* — *концептуму*. По-видимому, в нашем сознании содержится скрытое представление о концепте, неявно присутствующее в подсознании, что и дает возможность подобных сопоставлений. В результате этой операции мы очерчиваем границы *денотата* — предметного значения слова, логически представляющего объем понятия.

Выбор исходного основания из многих определяет алгоритм подбора аргументов *Причинности*, т. е. условия, причины и цели. Подбор предикатов определяется общей установкой сознания на естественное следование содержательных форм концепта: основание = концептум — *что?*, образ условия — *как?*, понятие причины — *почему?*, символ цели — *зачем?*

В нашем случае ограничиваемся текстами, приведенными в качестве иллюстраций к «Словарю русской ментальности». Количество примеров намеренно ограничено, но представлены выразительные определения, данные выдающимися деятелями русской культуры — на фоне современных публицистических текстов. Общий тон всех заключений носит поэтому субъективный характер, но в сумме выражает усредненно цельное представление

носителей русского языка о концептах, явленных на определенном этапе русской истории. Выявляются три периода: первая половина XIX в., начало XX в. и наше время.

Критики [Тарасов 2000: 30—31] осуждают наши принципы анализа, заявляя, что в его результате формируются «новые знания как содержание читаемых текстов», следовательно, не отражаются действительные концепты прежних носителей русской культуры, а в результате собственной рефлексии создаются гипотетические конструкции. Действительно, тексты — материал исследования, *предмет его описания*. Подобное понимание концептов заложено уже в работе основателя концептологии — русского философа А. А. Аскольдова (Алексеева). Но предложенный здесь метод не ограничивается «чтением текстов», как это делает любой номиналист, он направлен на извлечение *объекта исследования*, т. е. объективирует заложенные в текстах ментальные «корни» в их специфическом проявлении именно в данный момент. Такова позиция реалиста, который за видимым фактом пытается углядеть его потаенную суть. «Собственная рефлексия» создает не «гипотетические конструкции», а строит *модели прежних состояний*, максимально приближенные к реальным концептам прошлого. Дело в том (этого также не способен понять номиналист), что концептуальное содержание сознания текуче и непостоянно, в каждый момент его действия общий состав концептов изменяется, на первый план выходят разные его содержательные формы — то образ, то символ, то понятие; на больших отрезках времени смещение может достигать значительных пределов, а именно их-то и способен уловить исследователь. В конце концов, построение гипотез, моделей, реконструкций и составляет нерв научного знания — получение «новых знаний». А концептуальный анализ текстов позволяет наглядно увидеть, как понимали современники суть дела, воплощенную в точке концепта.

Итак, построение понятия в виде образного понятия в оперативной памяти возможно посредством двух способов, определяемых действием человеческого мозга: образным представлением десигнатов и логическим представлением денотатов. Первый есть процесс *концептуализации*, второй — процесс *категоризации*. С точки зрения формальной грамматики это различие между определением и предикатом. Ментально — одно и то же, различие чисто формальное.

Власть

Власть есть слово, значение которого непонятно.

Лев Толстой

Власть — форма общественной деятельности, направленная на интеграцию общества через сохранение организаций, коммуникаций и общих ценностей путем соединения членов общества в единое целое. Исторически номинация восходит к общеславянскому корню со значением 'иметь силу' в церковнославянской форме отвлеченного значения (ср. конкретное рус. *волость*); в древнерусском представлены значения 'власть, господство' (945), 'органы власти' (1175), 'область' (1206), 'властность' (XVI в.) при *волость* 'власть, господство' (1146), 'область под одной властью' (XII в.), 'сельская волость и ее население' (1478).

Следующие постоянные признаки определяют слово:

- типичные: *сильная, твердая*;
- глубинные: *высшая, державная, железная, жестокая, живая, могучая, мощная, огромная, полная, суровая*;
- интенсивные: *абсолютная, безграничная, беспредельная, враждебная, единственная, законодательная, здешняя, наследственная, необъятная, неограниченная, несправедливая, родительская, священная, сельская*.

На основе текстовых предикатов выделяем следующие денотатные признаки (объема понятий).

1. **Основания:** *власть есть совокупность воли, перенесенных на одно лицо (Л. Толстой); воля, за которой признается сверхчеловеческое, идеальное достоинство должного и в этом смысле категорически требующего повиновения... власть несправедливая вообще не есть власть (Франк); власть представляет собой обособившееся, утвердившееся в оторванности своей, мужское начало, которому присуща стихия насилия: она умеет только покорять и повелевать, но не любить и сострадать... можно ее определить и как начало звериное (С. Булгаков); сила в социальной жизни людей есть власть, и власть обладает могущественными орудиями принуждения; апофеоз силы есть апофеоз принуждающей власти (Бердяев); там, где группа хочет быть властью и, в то же время, не духовной, это тем самым — власть явочная, власть силы, власть рубля и надувательства (Ухтомский); власть — это добровольное согласие подданных повиноваться (Известия 2007, 219); традиции всевластия власти, которая не была подотчетна народу и редко считалась с тем, что он думает о ней (Рос. газета 2008, 20); всякая власть в конечном счете есть духовная власть, или власть идеи (С.-петерб. вед. 2008, 51); в России власть... воспринимается населением как нечто сакральное (АиФ 2008,*

3); власть всегда неотделима от идеи. Власть охраняет Идею — власть генотипа, а не класса (Налимов).

2. **Условия:** *понятие о власти... содержит в себе множество видоизменений (Чичерин); власть имеет для нас мало привлекательности (Данилевский); власть проблематична в своей ценности (Выше-славцев); власть вообще самое вульгарное из всего, что только можно себе представить (В. Ильин); презрение к власти у русского крестьянина... велико (Пришвин); для него власть это есть нечто, сотворенное человеческими руками, нечто, о чем он, ненавидя его, думает (Шульгин); власть всегда неотделима от Идеи. Власть охраняет Идею — Власть генотипа, а не класса (Налимов); власть у нас не укоренена ни в народ, ни в землю свою, ни в будущее (В. Распутин); власть у нас нерусская, причем уже почти целый век (Шафаревич); всякая похоть власти есть грех (Бердяев); и двигает русскими один импульс: непримиримость к власти. К любой (Аннинский).*

3. **Причины:** *русский народ избегает власти, удаляется от нее; он готов предоставлять ее скорее дурным людям, чем самому замараться ею... развязать грех власти (Л. Толстой); русский народ не признает власти как политической силы, он признает ее лишь как нравственное призвание... понимает власть как обязанность, а не как право, как тяготу, а не как привилегию. Всякая власть, открыто и прикрито, заключает в себе яд (Бердяев); считаю из всех видов человеческой деятельности самой низкой — стремление к власти (АиФ 2009, 31); власть... терпят как неизбежное зло, которое помогает решать практические задачи управления (АиФ 2008, 3); у наших властей перемирия с народом не бывает (Полторанин).*

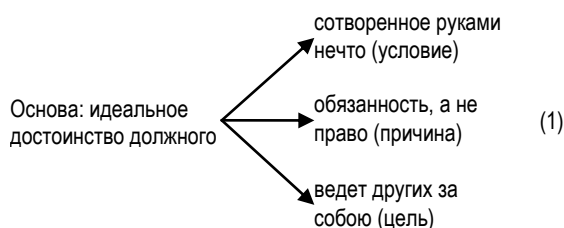
4. **Цели:** *обладание властью действительно равносильно возможности гнуть в бараний рог (Салтыков-Щедрин); настоящая власть та, которая... ведет других за собою (Вл. Соловьев); назначение власти править, а править — значит приказывать и взыскивать (Ключевский); люди приходят к власти и начинают жить только для ее удержания. Оказывается, ради этой цели можно пойти на всё (М. Кураев); политическая власть у нас напрямую связана с личным обогащением (А. Кончаловский); власть — это мысль, цементирующая умы (Известия 2010, 196); известно, что без власти / Далёко не уйдешь (А. К. Толстой).*

Ср. два суждения специалистов, подытоживших русское представление о власти:

Идея подчинения, генеративный смысл, заключенный в концепте «власть», разворачивается как уточнение понятийных признаков, организующих политический дискурс (борьба за власть и удержание власти), его образных признаков (проявление силы одного человека по отношению к другому либо некоего могучего существа по отношению к людям), его ценностных признаков (обоснование необходимости власти...) (В. И. Карасик).

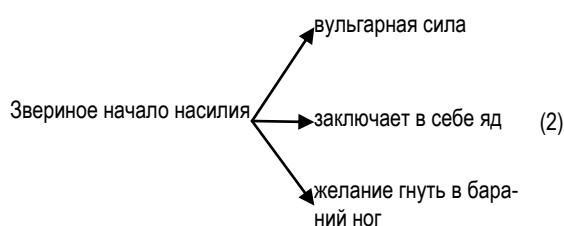
Власть... выражается, в частности, в массовом негативном отношении к Власти как воплощению зла, как собранию всех пороков. В обыденном массовом сознании власть выступает как настоящий Шабаш, разрушающий все живое, как вакханалия зла всех его мыслимых типов, как собрание корыстолюбцев, жуликов, развратников, дураков, алкоголиков. Широко распространено представление, что действия власти нельзя рассматривать серьезно как достойную уважения деятельность, необходимую для общества, наоборот, от нее следует держаться подальше, замыкаясь в локальных сообществах (А. С. Ахиезер).

В этих определениях объем понятия (денотат) представлен в полном виде; представим его в понятиях *Причинности*:

Общее определение: **Власть** — *идеальное достоинство должного, рукотворное как обязанность (а не право); способна вести за собой других*.

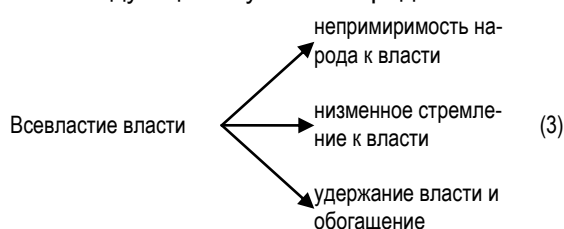
Так понимали концепт *Власть* в начале XX в. (представлены соответственно высказывания С. Франка, В. Шульгина, Н. Бердяева, Вл. Соловьева). Это положительный градус амбивалентного концепта, отрицательный в той же последовательности (основания — условия — причины и цели) строится следующим образом:

Общее определение: **Власть** — *звериное начало насилия, вульгарная сила, заключающая яд и способная гнуть в бараний рог*.

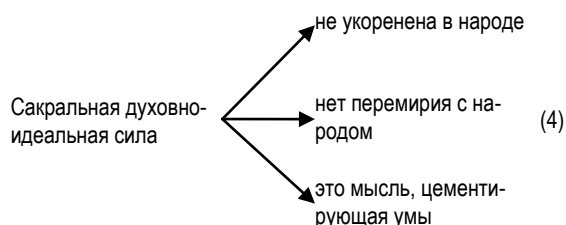
Таково понимание С. Булгакова, Вл. Ильина, Н. Бердяева, М. Салтыкова-Щедрина.

Современное толкование того же концепта в политическом аспекте преобразуется в следующий каузальный ряд:

Общее определение понятно. Источники: «Российская газета», Л. Аннинский, «Аргументы и факты», М. Кураев и А. Кончаловский.

Касательно характеристики концепта непосредственно народом (отношение к власти «изнутри») *Причинность* в современном сознании предстает в следующем градуальном ряду:

Общее определение также понятно. Источники: «Аргументы и факты», В. Распутин, Полторанин, «Известия».

Заметно снижение общего тонаса представлений о концепте «Власть» по сравнению с текстами столетней давности, полное неприятие институтов власти, хотя переключка со старыми определениями присутствует. Это заметно как в почитании *идеи* власти, так и в постоянном ее неприятии в практических формах проявления. Такое состояние объясняется реализмом русского сознания (в платоновском смысле) — идеальное отмечено положительно, его проявление в миру осуждается: «Если все против власти, это значит, что власть против всех» (Милюков). О качестве современной власти говорит недавний ее представитель, В. С. Черномырдин: «Мы — правительство. Нам думать не надо, подписываемые бы представления успеть прочесть».

Итак, амбивалентность концепта «Власть» определяется его символическим статусом. Это вызывает противоречивые суждения о смысле концепта, заряженного своим исходным концептуом в значении «иметь силу» («Сила есть — ума не надо»).

Закон

Закон — основа бесправия.
Василий Ключевский

Закон — *обязывающая* сила, извне регулирующая действия природы, общества и человека как объективно справедливая мера поступков и событий, не переходящих за *конь* 'предел, граница'; др.-рус. 'вероисповедание' (1076), 'закон светский' (XIII в.), 'обычай' (1477), 'связь между явлениями' (1665).

Типичные признаки: *всеобщий, высший, незыблемый, неумолимый, непреложный, нравственный, общий, основной, сокровенный* — все по преимуществу интенсивные,

что указывает на непроницаемость для них народного сознания, для которого характерны именно типичные признаки типа **законный закон**.

Денотатные признаки устанавливаем на основе следующих контекстов.

1. **Основания:** Закон есть свободное повиновение (Хомяков); Закон, логически изложенный, называется правилом... Но правило есть только логическая форма закона (Георгиевский); закон есть рациональное правило, обращающееся к уму, к сознательной воле... Это — символ нормативной системы ценностей, который помещается в прошлое (Вышеславцев); понятия «законы», «нормы» насквозь рациональны, логичны... Это есть самое крайнее выражение рационализма, при котором умерщвляется чувственная нравственная жизнь (Бердяев); Русское понятие слова **закон** онтологично, — не юридично и почти равносильно Платоновой идее (Флоренский); закон, в качестве «должного», есть сущностная жизнь, поскольку она трансцендентна и действует лишь как образцовая идея (Франк); отношение к закону — это форма менталитета (Аргум. недели 2008, 5).

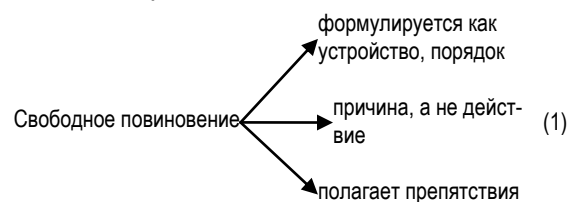
2. **Условия:** духовная свобода понимается только как **устройство, порядок**... Все формулируется. Это путь не внутренней, а внешней правды, не совести, а принудительного закона (К. Аксаков); закон есть **за-кон**, т. е. граница, черта, предел (Флоренский); правовая норма, иначе — закон, это предел, мера, ограда, запрет, угроза (Н. Марков); слово **закон** для этих продажных тварей священо (М. Попов); закон всего лишь сумма наибольших строгостей, в то время как справедливость, стоящая выше любого закона, часто отклоняется от исполнения законности, когда в дело вступает призыв совести (Пиккуль); ...желают ли они, чтобы их судили по закону или по совести. На что получил вполне ожидаемый ответ: «Известное дело — по совести» (С.-петерб. вед. 2011, 34); Закон всегда и то, что есть, и то, что должно быть (Арутюнова);

3. **Причины:** Закон, т. е. условие понятий... это не что иное, как мыслимость или возможность существования (Хомяков); закон есть причина, а не действие... Идея законности, идея права для русского народа бессмыслица (Чаадаев); первое и существенное условие жизни — это беззаконие. Законы — укрепляющий сон. Беззаконие — творческая деятельность (Шестов); Закон — это норма не поведения, а бытия (Флоренский); закон — это всегда берег; но и берег **заливается** наводнением, **освежается** наводнением; и закон был бы слишком пассивен, был бы безжизненным в безжизненном, если бы он иногда не **нарушался** (Розанов); духовная природа личности состоит в свободе; общественное начало, как ограничение свободы, выражается в законе (Чичерин); закон... в России не является главным и единственным регулятором общественных отношений (Известия 2007, 224); понимаете, в нашей стране никто не живет по закону. Это практически невозможно (Аргум. недели 2007, 50).

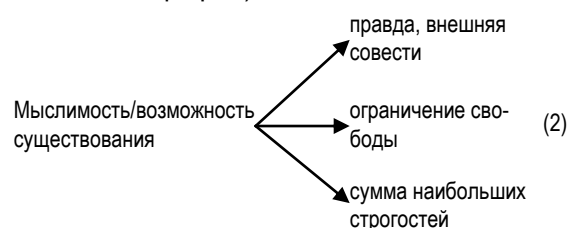
4. **Цели:** Ежели чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то, сняв оный со стола, положи под себя (Салтыков-Щедрин); закон, в качестве «должного»... действует... как цель стремления (Франк); жизнь не институциональна, а идеократична, то есть идет не по законам, а по душе, по духу, или, как теперь говорят, по понятиям (митрополит Иларион говорил: по благодати)... И разве это не **прелесть** всей нашей жизни? (Аннинский); закон — основа бесправия (Ключевский); в Европе в течение двух тысяч лет... предавали поруганию Случай... Закон становится Мессией (Налимов); закон — дозволенная форма преступности (степень разрешенной преступности)... Закон — это протез, замещающий вышедшую из строя гнилую совесть (Гаврилин); закона нет — есть только принуждение. Все преступленья создает закон... В нормальном государстве вне закона / Находятся два класса: уголовный и правящий (Волошин); в России закон — не указ, а совет (Известия 2009, 230); и верит в единственный русский закон: никаких законов, только люди. Личные связи, личные симпатии (Аргум. недели 2010, 4); можно поступать «по душе», жить «по правде». А значит, и «законов не надо». За это и умирали (Аннинский).

Ср.: «В русской традиции категория закона известна с древнейших времен в противопоставлении к благодати, и потому закон вообще имел отрицательный смысл» (Russian Mentality); «Закон есть абстрактное выражение всеобщей, в себе и для себя существующей воли... Закон есть по содержанию своему помысленный обычай народа» (Гегель); «...только врожденные, только изначальные законы формируют жизнь — или разрушают ее» (Ст. Цвейг).

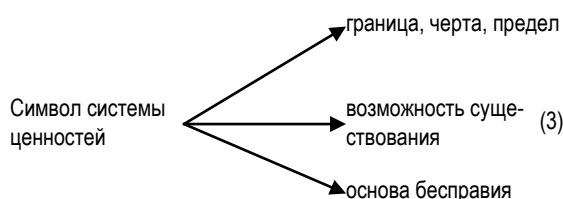
Отношение к закону в классический период амбивалентно, в современном общем представлении является в целом отрицательным, ср.:

Общее определение: **Закон** — в свободном повиновении формируется порядок под действием (необходимых) препятствий (источники: Хомяков, К. Аксаков, Чаадаев, Салтыков-Щедрин).

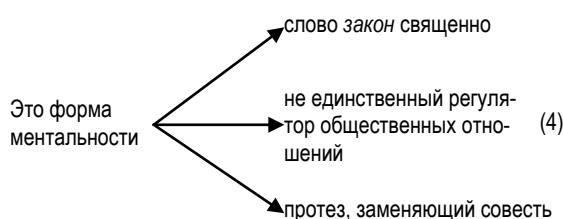

Общее определение: **Закон** есть возможность существования по внешней совести с ограничением свободы при наибольшей строгости (источники: Хомяков, К. Аксаков, Чичерин, Пикуль).

Общее определение: **Закон** — это символическая система ценностей как предел возможности существования на основе бесправия (источники: Вышеславцев, Флоренский, Шестов, Ключевский).

Заметно изменение, произошедшее на протяжении почти века. Для второго каузального ряда характерно не столь конкретное соотношение его членов, отвлеченность присутствует и в позиции «цель», причем указаны не возможные препятствия, а насильственное действие бесправия. Еще резче высказывания современных авторов:

Общее определение: **Закон** — священная форма ментальности, но не единственный регулятор общественных отношений, заменяющий (личную) совесть (источники: «Аргументы недели», М. Попов, «Известия», «Гаврилин»).

Представление о ментальности преобразует весь каузальный ряд в символическую плоскость, еще дальше отходит от понятийных определений двух первых схем и образных — третьей. Симптоматично почти полное отсутствие высказываний относительно «основания» и их обилие в положении «цель». Может быть, потому, что основание лежит в прошлом, тогда как цель устремлена в будущее, и своей критикой авторы хотели бы повлиять на его исправление. «Священный ранг» Закона остается на уровне слова, тогда как реальные общественные отношения строятся на основе совершенно других принципов. Предоставляю читателям самим поработать с этими или новыми текстами, результат будет сходным. Проверено на практике.

Итак, амбивалентность концепта «Закон» также определяется его исходным кон-

цептумом «кон» (начало и конец, на кону). «Священный ранг» Закона остается на поверхности имени, по традиции его воплощающего. В целом прохладное отношение к закону определяется реальным несоответствием действий и его содержания.

Народ

Народ — этнос, наделенный миссией.

Александр Дугин

Народ — то, что *народилось*, собралось в *роде* и представляет собою совокупность ныне живущего рода — по общности крови (*порода*), места (*родина*), среды обитания (*природа*) и языка (*родство*). Исторически общеслав. *народъ* 'множество' от *народити* 'произвести на свет'; др.-рус. 'толпа, множество' (1057), 'люди, народ' (1057), 'соучастники, соратники' (XI в.), 'население страны, народная масса' (XI в.), 'род как совокупность видов животных' (XIII в.), 'род, потомки' (1499), 'толпа, чернь' (1499), 'народность, народ (в совр. смысле)' (1628). Заметно снижение широты понятия в связи с конкретизацией значений слова.

Десигнатные признаки выразительны: народ — *богатырский, великий, дружный, единый, могущественный, простой, рабочий, русский, серьезный, целый, черный*. Эти признаки установлены самим народом, «изнутри», и потому отличаются положительной коннотацией.

Денотатные признаки определим на основе следующих типичных контекстов.

1. **Основания:** Народ по своей самобытной особенностям есть великая земная сила (Вл. Соловьев); из конкретного индивидуального русского народа хотят сделать гипостазированную отвлеченность (Шпет); народ — величина количественная, механическое сцепление частиц (И. Коневской); народ есть реальность гораздо более первичная и природная, чем нация, в народе есть что-то дорациональное, народ есть реальность более человеческая, чем нация. Народ есть люди, нация же не есть люди, нация есть принцип, господствующий над людьми, есть правящая идея... Народ есть реальное, а не номинальное понятие, народ — мистический организм, сверхчеловеческое единство. Народ есть предмет веры, а не предмет чувственного восприятия (Бердяев); народ — символ суровый, непреклонный, мужского рода, чем и отличается от *нации*, представляющее женское начало культуры (Федотов); органическое понимание народа создает смысловое поле, на котором не растет демократия. Эта «ягода» с другого поля (Гиренок); Сам народ всегда безлик и аморфен. Это психический и духовный генофонд. **При-плод, на-род** (Галковский); Народ — коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, врученные нации при рождении (В. Распутин).

2. **Условия:** Было время, когда у нас не было публики. Возможно ли это? — скажут мне. Очень возможно и совершенно верно: у нас не было **публики**, а был **народ**. Это было еще до построения Петербурга (К. Аксаков); нет человечески истинного без истинно народного (Хомяков); сущность народа определяется тем, во что он верит, как он понимает предмет своей веры и что он делает для ее осуществления (Вл. Соловьев); народы столь же четко индивидуальны, как различны их языки (Карташев); эмпирический народ должен быть подчинен нации, ее задачам в мире. В нации есть ноуменальное, онтологическое ядро, которого нет в том эмпирическом явлении, которое вы именуете **народом** (Франк); языки — это народы (*ethne, gentes*)... У всякого народа есть родина, но только у нас — Россия (Федотов); народ — система, находящаяся в непрерывном развитии. Она устойчива, но в то же время изменчива. Если существенно меняются условия жизни, меняется и этнический облик общности... Это творение культуры, причем недавнее... Народы — это «сгустки» культуры, обладающие самобытностью... Известно, что народ в большей степени смотрит в будущее, чем в прошлое. Он непрерывно себя **строит** (Кара-Мурза).

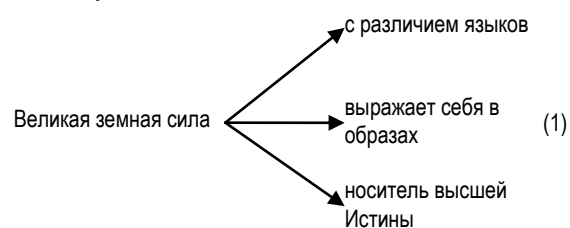
3. **Причины:** Народ наш не легкомыслен, не ветрен... и именно в великие исторические мгновения своей жизни является сдержанным, важным, сосредоточенным (И. Аксаков); народ стремится выразить себя в образах, он создает обычаи и стиль. Нация же стремится выразить себя в государственном могуществе, она создает формы власти... Народ должен быть, должен хранить свой образ, должен развивать свою энергию, должен иметь возможность творить свои ценности... Чаадаев высказал мысль, которую нужно считать основной для русского самосознания, он говорит о потенциальности, непроявленности русского народа... русский народ призван осуществить великую миссию. Вера в миссию России есть вера, она не может быть доказана, это не научная истина. Для русских характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями... Народ не есть социальная категория. И социальные противоположения лишь мешают осознанию народности (Бердяев); славянофилы упрекали себя в том, что они не народ, западники упрекали народ в том, что народ это не они. Беда же состояла в том, что и западники, и славянофилы все еще являлись народом, но не понимали, что понятие «народ» в их лексиконе является фикцией (Галковский); народ живет для лучшего... Какой цинизм! Во всех газетах спорят и разглагольствуют вслух о том, что им делать с русским народом, куда его вести, какой уздой взнуздывать, какими вожжами поворачивать, каким кнутом стегать (Свиридов); Народ — это не все население, а только его большинство, основная масса, обеспечивающая своим трудом развитие общества и его прогресс (С.-петерб. вед.

2012, 118); народ стал умён! (Пришвин); народ не в том, что он существует, а в том, что он движется (А. Платонов).

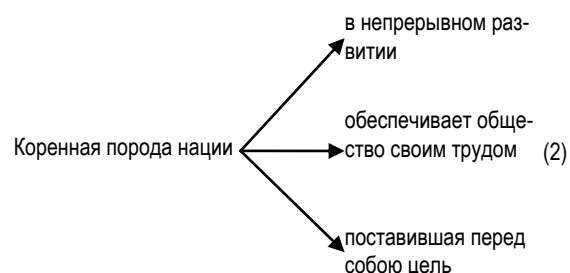
4. **Цели:** народ есть стихийно живущая толпа, слепая в своих инстинктах и побуждениях. И народ же есть сверхличный, коллективный носитель высшей Истины (Ухтомский); народ не механическое соединение миллионов человек. Такое скопление людей было бы не способно ни к какому историческому действию (Солоухин); когда власть и народ в России не соблюдают дистанцию — жди страшной аварии... Заигрывать с народом не значит служить народу и тем более уважать его... Ни один народ в мире, и тем более русский народ, не прощает заигрывания с ним. Народ без культурных авторитетов есть толпа (Аргум. недели 2009, 35); народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлечь за собой многих (Распутин); кому ничего не достается, тот и есть народ (А. Битов — Известия 2010, 5); народ есть исторически субъект, наделенный волей и целенаправленностью. В нем корень преемственности... Народ это этнос, ...вступивший в историю, осознавший время и поставивший себе в этом времени цель. Народ — этнос, наделенный миссией (Дугин).

Ср.: «Народы суть то, чем оказываются их действия» (Гегель); «Для меня народ — это единство души... Народ — союз людей, ощущающий себя единым целым. Народ — это взаимосвязь, которая создается... Все великие события истории, собственно говоря, совершены народами не были, но скорее породили на свет их самих» (Шпенглер).

Возможные каузальные цепи представим в следующем виде:

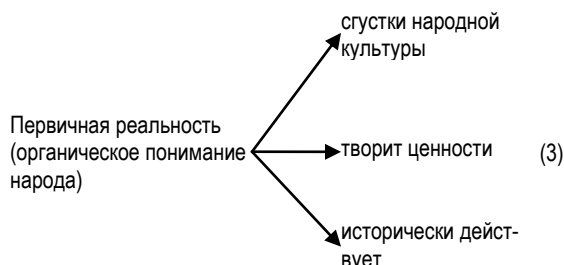
Общее определение: **Народ** — великая земная сила с различием в языках, выражает себя в образах, (является) носителем высшей Истины. Источники: Вл. Соловьев, Карташев, Бердяев, Ухтомский.

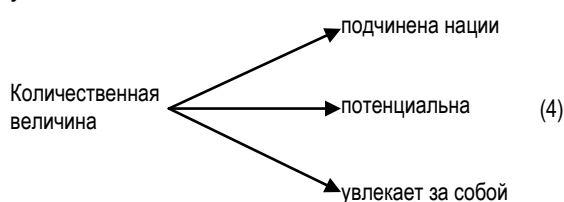
Общее определение: **Народ** — коренная порода нации в непрерывном развитии,

обеспечивающая своим трудом общество и имеющая свою цель. Источники: В. Распутин, Кара-Мурза, «Санкт-петербургские ведомости», Дугин.

При полном совпадении оснований второе определение отличается большей прагматичностью, тогда как определение первое выражает *внешнюю* сторону в проявлении концепта «Народ».

Общее определение: **Народ** — *первичная реальность, представленная как сгустки народной культуры, которая творит ценности в историческом действии*. Источники: Бердяев (Гирёнок), Кара-Мурза, «Санкт-петербургские ведомости», Солоухин.

Общее определение: **Народ** — *количественная величина, подчиненная нации, отличается потенциальностью, но способна увлечь за собой*. Источники: Коневский, Франк, Чаадаев, В. Распутин.

Все раскладки выделяются общим основанием, разными словами описанным. *Народ* — первичная реальность нации. Условия варьируются, что определяет изменения причин и целей. Самое важное отличие современных представлений о концепте «Народ» состоит в нацеленности на реальность действия (3) и постоянного развития (2). Традиционные определения более умозрительны (4) и охвачены культурным контекстом (1). Таково понимание концепта в разные исторические периоды, что несомненно обусловлено культурной обстановкой того или иного периода.

Итак, концепт «Народ» постоянен в своем определении, связанном с исходным концептумом «растущий». Это основной концепт семантического треугольника, подпитанного энергией синергийного ряда, представляющий в его составах «первичную реальность».

Сопоставления

Все описанные модели выглядят в общем сравнении. *Идеальная* картина соответствий могла бы быть дана в соединении моделей «Власть-1», «Закон-1» и «Народ-3» (сравните эти схемы), однако дело в том, что это модели разных синхронных уровней: *Закон-1* относится к первой половине XIX в., *Власть-1* — к началу XX в., а схема *Народ-3* представлена в наши дни. Не значит ли, что именно в эти моменты тот или иной концепт представал в идеальной форме в соответствии с современным тогда представлением об идеальности и относительной ценности того или иного концепта? Одновременно это иллюстрация мысли, что концепты изменялись в своем содержании, влияя друг на друга.

Составы идеальных концептов сведены в табл. 1.

Таблица 1. Составы идеальных концептов

	Власть	Закон	Народ
Основание	идеальное достоинство должного	свободное повиновение	первичная реальность
Условие	руководящая сила	устройство, порядок	народная культура
Причина	обязанность, а не право	причина, а не действие	творит ценности
Цель	ведет за собой	преодоление препятствий	исторически действует

Идеальная схема также не исторична. Реальные соответствия образуют другую конфигурацию.

Первая половина XIX века: о Власти говорится мало, в конце XX в. представление о *Власти* амбивалентно (символично), в наше время отношение к власти резко отрицательное. *Закон* в XIX в. понимается как возможность свободного повиновения, в XX в. как ментальный символ системы ценностей, в наши дни как «протез, заменяющий совесть». Концепт *Народ* в целом претерпевал мало изменений, хронологические различия отсутствуют, имеются только словесные вариации: в XIX в. *Народ* предстает как воплощение человеческого начала, в XX в. это великая земная сила, в наши дни коренная порода нации. Таковы горизонтальные сопряжения концептов, указывающие на развитие их содержаний: *Власть* от реального через символическое понимание приходит к полному ее отрицанию; *Закон* от реального через символическое также переходит к резкому отрицанию (противопоставлен Совести и Справедливости); концепт *Народ* на всем протяжении устойчиво сохраняет свои положительные признаки.

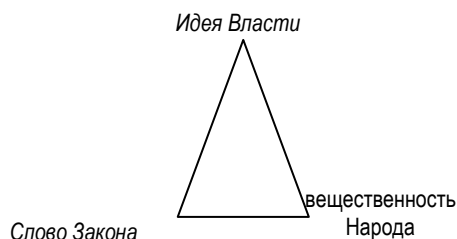
Вертикальные сопряжения концептов преобразуют общий смысл соотношения,

выдвигая на первый план философские основания противопоставлений (табл. 2).

Таблица 2. Вертикальные сопряжения концептов «Власть», «Закон», «Народ»

	Власть	Закон	Народ
XIX в.		свободное повиновение (слову)	народ, а не публика
XX в.	<i>идеально</i> должное // звериное начало	символ системы ценностей	земная сила
XXI в.	<i>идеальная</i> сила // вульгарная сила	(словесное) выражение ментальности	коренная порода

«Власть всегда неотделима от Идеи» (В. Налимов), и наша развертка доказывает это: все проявления концепта «Власть» представлены амбивалентно с противоположными знаками ценности, но ведет все-таки идеальная составляющая. «Закон» представлен в связи с выражением в слове, а «Народ» всюду является как вещное воплощение «коренной породы». Таким образом, путем постоянных текстовых редукций мы приблизились к философскому осмыслению синергийной триады, уже заявленному в начале статьи:

Осталось заключить указанием на внутреннюю противоречивость всех комбинаций представленных концептов.

Ведущими в оппозициях даны «Власть» и «Народ», *идея* и *вещь*. Гармонична такая синергийная связь, в которой *Власть* и *Народ* соответствуют друг другу, где *Власть* составляет и осуществляет идею *Народа*. Наш материал показывает, что, согласно представленным мнениям, такого состояния у нас никогда не было. Положение несколько смягчает наличие *Закона*, но отношение к нему различное в разные времена.

Переводя рассмотрение вопроса в философскую плоскость, отметим традиционное соотношение «идея — знак (слово) — вещь» и основанные на этой схеме позиции философского реализма (платонизма), номинализма (аристотелизма) и концептуализма (Абеляр). В таком случае окажется, что реализм признает связь (доходящую до тождества) Идеи и Вещи (в нашем случае — Власти с Народом), а к знаку-слову равнодушен, поскольку на него опирается, исходит

из него; отсюда проистекает отмеченное в текстах негативное отношение к Закону. Напротив, номиналист признает связь знака Закона и идеи Власти, а к вещественности Народа равнодушен, поскольку он сам по себе и есть народ (считает себя народом). В противопоставлении реализма и номинализма и заключается различное отношение к Закону: номиналисты законопослушны. Законопослушен и концептуалист, для которого важна связь знака и вещи (Закона и Народа), а Властью, по его понятиям, является он сам в полном владении Идеей. Каждый тоталитаризм концептуален, хотя бы в мягкой форме. Это наследие средневекового догматизма. Тяжелее всего дело обстоит для реалиста. Если отношение «Власть — Народ» развивается гармонично, то Законом еще можно пренебрегать, но если между ними возникает конфликт, если Власть подавляет Народ, то смысл и значение Закона усиливаются и дело пока еще можно поправить. Если же Власть подавляет и Закон, то в этом случае реализм оборачивается концептуализмом, переходя в нерусское состояние сознания. Происходит торжество идеи Власти. В конце концов, до сих пор остается в силе утверждение шефа жандармов графа Бенкендорфа: «Законы пишутся не для власти». А это остается национальной проблемой, особенно в связи с усилением заимствований с Запада с его ориентацией на номинализм и концептуализм, представители которых, напротив, отличаются законопослушанием.

Заключительные суждения о ментальности

В описанной триаде каждый член имеет свою ценность. Например, «государство, или власть, содержит в себе самостоятельное мистическое начало» (С. Булгаков), а «твердая власть нуждается в поддерживающей ее силе» государства (Л. Гумилев). Следовательно, за властью стоит государство (*государственная власть*), за народом — общество (*народное общество*), за законом — *Божий закон*, которым многие склонны пренебречь. В системе, таким образом, *Закон* представляет ничем не обеспеченный ноль, а ведь это — *важный* элемент, который и организует систему как законченное целое (с нуля идет отсчет). Исключение *Закона* разрушает систему, потому что нулевая точка связывает обе противоположности воедино. *Важный* — от *вага* 'вес', отсюда необходимость не всяких скороспелых, а именно *взвешенных* законов. *Власть* является *главным* членом триады, выражающим государство, но *Народ* всегда остается *основ-*

ным составом, поскольку на нем основана вся триада; только народ обладает вещественным смыслом. Придавать особую важность главному (*Власти*) или основному (*Народу*), определяя всю систему ценностей, столь же неверно, как и основывать эту систему только на главенстве *Закона* или на публицистическом уважении к *основному*, к *Народу* («народ-богоносец»). Впрочем, это вопрос морали и личной ответственности высказывающих подобные суждения. Однако заметно, насколько далеко такие подмены функций могут завести общественные отношения. Состояние неустойчивого равновесия сохраняется до тех пор, пока все три члена иерархии соответствуют записанным за ними признакам: *важный* — *главный* — *основной*. Например, перестроения типа *важность* Власти — *главенство* Закона — *основательность* Народа, или *важность* Народа — *основательность* Закона — *главенство* Власти нарушают синергичную гармонию триады: ни Народ, ни тем более Власть *не важны* в социальном плане. Именно в этом распределении социальных функций и состоит учение о «трех властях».

Власть и *Народ*, как реальные силы, синонимов не имеют, они абсолютны. *Закон* же, как силу идеальную, в разные времена предпочитали заменять концептами, более привлекательными, но столь же идеальными. Иларион в XI веке (иудейский) *Закон* заменял (христианской) *Благодатью*, после этого в угоду политическим обстоятельствам *Закон* постоянно подменялся концептами «Правда», «Справедливость», «Совесть» и т. д. Всякий идеал недостижим, и в этом отличии концепта «Закон» от двух других концептов триады содержится возможность легкой подмены действительного желаемым и слишком частой попытки это сделать.

Мы отметили наличие *постоянных* определений при каждом слове, выражающем наши концепты. Эти определения стали устойчивыми при известном концепте, потому что с течением времени они выявляли *типичные* признаки концепта, чем-то важные для народного сознания именно в данное время. При этом распределение признаков укладывается в структуру самого концепта: *типичные* признаки выделяются в области *символа цели* (уподобление), *глубинные* — в области *понятия понимания* (отражают реальные признаки «первосмысла»), а *интенсивные* — в области *образа условия* (сравнение), как и образ, они непостоянны, варьируются, создают случайные метафорические связи и вообще ведут себя как новорожденные котят, не собранные в стаю. Они еще и не стали устойчивыми признаками

всеобщего применения. Что же касается признаков «первосмысла»-концептума — *длительных* признаков, — то они встречаются крайне редко и в нашем случае не отмечены вовсе. Вряд ли это случайно: все концепты триады имеют непреходящее значение, они «вечны». Как и сами концептумы «первосмысла», длительные признаки постоянны, всеобщы и составляют опорные элементы народной культуры.

Сопряжение указанных признаков с соответствующими денотатами создает *образное понятие* (нем. *das Sinnbild*, что значит «символ»), в котором определение выступает в роли содержания, а денотат — объема понятия. Число подобных соединений определяется наличным составом определений при данном имени. Представление о таких «понятиях» дают, например, заголовки современных газетных статей, в неисчислимом множестве формирующих подчас невообразимые сочетания. На основании наших материалов, у концепта «Власть» возможны сочетания *сильное желание удержаться, твердая возможность гнуть* — с типичными признаками; *державное зло, жестокость, мощное стремление* — с глубинными; *безграничная вульгарность, беспредельная похоть, враждебная непримиримость* — интенсивными. Таковы первые «попавшие на карандаш» сочетания, которыми вполне может воспользоваться всякий носитель русского языка. Нет надобности множить примеры, их легко создать самому, устанавливая личные пределы оперативной памяти, способной генерировать «образные понятия», они же *символические* представления, столь свойственные русской традиции мышления.

В процессе конструирования речевой деятельности речемыслительные формы языка создают коммуникативные возможности для воплощения скрытых ментальных концептумов в явленные концепты, центром которых в настоящее время являются понятия — как актуализированные «первосмыслы» актуального содержания. Это понятия, обязательно поддерживаемые существованием образов и символов, без которых пусты, мертвы и в конечном счете бесполезны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. — Новосибирск, 1998.
2. Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. — М., 2003.
3. Карасик В. И. Языковые ключи. — Волгоград, 2007.
4. Колесов В. В. Концептология. — СПб., 2012.
5. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — СПб., 2014. Т. 1. С. 108—110, 285—288, 486—489.
6. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. — М., 2000. С. 24—32.

V. V. Kolesov
St. Petersburg, Russia

CONCEPTUAL FIELDS OF THE RUSSIAN MIND: CONCEPTS POWER, LAW AND PEOPLE

ABSTRACT. *The article discusses the results of research of the concepts "Power", "Law", and "People" found in the classical Russian texts (prose and philosophical) written in different epochs. It is proposed to use conceptual analysis alongside the other kinds of text analysis. A concept is a unity of three forms in a word (image, symbol and notion), which are defined by the "primary meaning" of conceptum, i.e. a perfection of the given concept. To reveal the "motives" of actions we use the method of semantic invariable construction. From the point of view of synergy links we analyze three strategies of public behavior and make the conclusions. The concepts "Power" and "People", as the references to the real forces, do not have synonyms, they are absolute. The concept "Law", being perfection of force, was often substituted by the more suitable concepts, which were also ideal. In the XIth century Ilarion(Judaic) Law replaced by (Christian) Mercy of God; after that the concept of law was often replaced by the concepts "Truth", "Justice", "Consciousness", etc. Every ideal is beyond reach, and the difference of the concept "Law" from the other two makes it possible to substitute he real for the desired, which happens quite often.*

KEYWORDS: concepts; devolution; revolution; evolution; concept sphere; concept field; Russian consciousness; synergy links.

ABOUT THE AUTHOR: Kolesov Vladimir Viktorovich, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

REFERENCES

1. Akhiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. 2. — Novosibirsk, 1998.
2. Barantsev R. G. Sinergetika v sovremennom estestvoznani. — M., 2003.
3. Karasik V. I. Yazykovye klyuchi. — Volgograd, 2007.
4. Kolesov V. V. Kontseptologiya. — SPb., 2012.
5. Slovar' russkoy mental'nosti / V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A. A. Kharitonov. — SPb, 2014. T. 1. S. 108—110, 285—288, 486—489.
6. Tarasov E. F. Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya // Yazykovoe soznanie i obraz mira. — M., 2000. S. 24—32.